

ЕВГЕНИЙ ПАВЛЕНКО

«НАДЕЮСЬ, ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ НАЙДУТ СЕБЕ МЕСТО»

ОБ ИТОГАХ ГОДА, РИСКАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ БЕНЕФИЦИАРОВ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА РАБОТУ АДВОКАТУРЫ В РОССИИ, ВГ БЕСЕДОВАЛ С УПРАВЛЯЮЩИМ ПАРТНЕРОМ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ «ДЮВЕРНУА ЛИГАЛ» ЕГОРОМ НОСКОВЫМ. ВЯЧЕСЛАВ КАЛАШНИКОВ

BUSINESS GUIDE: Егор Александрович, каковы были ваши ожидания от 2021 года исходя из тенденций, наметившихся в 2020 году? Оправдались ли они, если да, то в чем?

ЕГОР НОСКОВ: Я думаю, что ни у кого на юридическом рынке не было завышенных ожиданий на 2021 год. Мы в наименьшей степени страдаем от коронавируса, потому что количество юридической работы не уменьшается: сделки совершаются, суды работают, конфликты продолжаются. Юридическая отрасль не била рекорды в прошлом году — ни в России, ни в мире, но юристам грех жаловаться. Понятно, что когда экономика не процветает, этой работы не очень много, но ее достаточно, чтобы прокормить себя, и для нашей компании год закончился вполне благоприятно.

ВГ: Были ли за год в практике юристов «Дювернуа Лигал» какие-то резонансные дела?

Е. Н.: В этом году мы действительно достигли больших успехов, особенно в судебной практике. Для нас год завершился выигрывшем двух очень крупных дел, которые мы вели в рамках двух больших корпоративных конфликтов.

Один — это спор группы миноритариев Кировского завода с его менеджментом и самим обществом, поводом для которых послужил ряд сделок с акциями завода, совершенных в 2005–2008 годах. Спор длился с 2008 года, был на рассмотрении Высшего арбитражного суда РФ (ВАС) в 2012 году и кардинальным образом изменил подход судов к рассмотрению споров о корпоративных убытках, в том числе лег в основу постановления пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Это самый цитируемый корпоративный спор в России, во всей практике, и мы горды тем, что его представляли. Это официальный факт, дело действительно целиком поменяло судебную практику всей страны. Высший арбитражный суд фактически поручил по-другому рассматривать целую категорию этих дел, поэтому на дело Кировского завода наибольшее количество ссылок было, несмотря на то, что у нас в России право не прецедентное.

По итогам 13-летнего спора все требования миноритариев были признаны судами обоснованными. В декабре 2021

года Арбитражный суд Северо-Западного округа оставил в силе судебные акты по этому делу.

Второе дело, которое одним из рейтингов сейчас выдвигается на номинацию «Корпоративный спор года», — это тоже дело, дошедшее до Верховного суда. Конфликт развернулся в 2020 году в Краснодарском крае, когда один из участников, используя контроль над обществом, решил обанкротить второго участника путем подачи исков об убытках ко второму участнику. Участники владеют обществом в равных долях, а все претензии касались сделок 2012–2014 годов. В июне 2021-го одно из требований было рассмотрено экономической коллегией Верховного суда РФ, а принятое судом определение уже послужило основой для многих споров. Верховный суд подчеркнул взаимосвязь интересов общества и его участников, в связи с чем факт причинения вреда фирме не может быть признан установленным, если никто из ее участников (контролирующих лиц) не понес убытки. В результате работы юристов в судах удалось доказать необоснованность требований на 5,5 млрд рублей к нашему клиенту, что послужило основанием для прекращения дела о банкротстве.

ВГ: Как вы оцениваете сложившуюся практику привлечения бенефициаров бизнеса к субсидиарной ответственности в результате банкротств?

Е. Н.: Как юристы не устают говорить, если к субсидиарной ответственности можно привлечь любого бенефициара любой компании, то тогда теряется смысл в обществах с ограниченной ответственностью. При этом понятие ограниченной ответственности было основополагающим двигателем развития экономики в Западной Европе начиная с промышленной революции. В этом смысл предпринимательства: понятие ограниченной ответственности позволяет принимать на себя риски, не рискуя всем своим имуществом. Если ты в любой коммерческой деятельности начинаешь рисковать своим имуществом, а в сложившейся уголовной практике еще и своей свободой, то всплеска предпринимательства ждать не стоит.

ВГ: Какие изменения в законодательстве страны больше всего повлияли на работу адвокатского корпуса?

Е. Н.: Принципиально никакие законы на работу адвокатского корпуса не повлия-

ли. У адвокатов много общего с врачами: это высокооплачиваемые профессии, в рамках которых, не занимаясь предпринимательством, можно достичь высокого уровня жизни за счет профессионализма — так считается во всем мире. Врачи занимаются здоровьем, юристы — защитой имущества и свободы. Так вот, если сравнить адвокатов с хирургами и предположить, что хирургические операции в 99,7% случаях заканчиваются неудачей, и это уже запрограммировано, то сообщество хирургов, я думаю, станет крайне непопулярно и не будет пользоваться большим уважением и симпатией в обществе, потому что это странный результат.

Есть огромное адвокатское сообщество, десятки тысяч человек, которые имеют право заниматься защитой клиента в уголовных делах, и уголовных дел тоже огромное количество рассматривается. И всем известна статистика: 99,7% обвинительных приговоров в российских судах. Человек, имеющий проблему уголовно-правового характера, начинает недоумевать: как понять, какой адвокат хороший, а какой плохой, да и зачем вообще нужен адвокат? Так вот, в наших реалиях хороший адвокат должен победить в суде, который даже не начался. Многие адвокаты являются профессионалами высокого класса и приносят огромную пользу, но эта польза как раз и заключается в том, чтобы помогать клиентам не дойти до той стадии, когда их дело будет рассматриваться в суде.

Был ряд инициатив, которые еще больше усложнили работу адвокатов, например, запретить адвокатам пользоваться своим телефоном в СИЗО. Но это уже мелочи, это не имеет принципиального значения на фоне того, что я описал.

ВГ: «Дювернуа Лигал» в 2021 году вошла в топ юридических компаний на рынке литигаторов. Что это означает на практике и почему на рынке юридических услуг растет «удельный вес» судебных представителей?

Е. Н.: Причина очень простая: частная экономика сокращается. Государственным корпорациям и государству в чистом виде всегда проще договориться между собой. Конечно, они тоже проходят через формальные суды, но когда судятся две ветви одного дерева — это не играет большой роли. А вот та часть экономики, которая не относится к государству и которая бес-

конечно сокращается (государственная доля постоянно растет, это очевидный факт), состоит из огромного количества участников. И когда начинается спад в экономике, то происходит неисполнение обязательств друг перед другом, причем по цепочке, и все начинают судиться со всеми, что приводит к огромному количеству банкротств. Поэтому сейчас бьют рекорды те юридические фирмы, которые занимаются судами и банкротствами, как и мы теперь.

Фирмы нашего формата преступлениями против личности обычно не занимаются, мы занимаемся white-collar crime («беловоротничковая» преступность) — это в основном экономические составы преступлений. Причем фирмы, подобные нашей, специализируются на консультировании и предупреждении клиентов от тех рисков, которые бесконечно усиливаются.

ВГ: Были ли в 2021 году какие-либо значимые проекты в сфере слияний и поглощений, в сфере недвижимости?

Е. Н.: В КВН 1990-х годов была такая шутка: «Новость с рынка слияний и поглощений — ларьки вокруг метро „Купчино“ объединяются с ларьками вокруг всех станций метро». Конечно, всегда происходят какие-то слияния на локальном рынке, но процесс мельчает и доходит уже до такого уровня, когда не очень-то нужно привлекать форматных сторонних юристов. Сложно сейчас представить крупного иностранного игрока, который входил бы приобретать какой-то успешный российский бизнес. И в то же время сложно себе представить быстрорастущий, бьющий рекорды российский бизнес, который был бы настолько успешным. Сделки с недвижимостью были всегда, мы ими успешно занимаемся: это актив, который позволяет бороться с инфляцией и дает рентный доход.

ВГ: Каких изменений вы ждете от наступившего года?

Е. Н.: Есть важный психологический прием: умение примириться с окружающим миром. Я буду вполне удовлетворен, если этот год будет не хуже предыдущего. Нет никаких предпосылок оттепели в том, в чем мне бы хотелось ее видеть. Надеюсь, что в каждом конкретном направлении в том, что нас касается профессионально, всегда здравый смысл и справедливость будут находить себе место, — этого вполне достаточно. ■